Горловский Медиа Портал
13.07.14 09:23

У генерал-полковника запаса Владимира Рубана на этой войне необычный статус. Он - переговорщик. С начала мая занимается освобождением заложников - военных и гражданских, в разное время, при разных обстоятельствах попавших в руки боевиков. Рубан – один из тех, кто эффективно ведет переговоры с Игорем Безлером, контролирующим Горловку.

О том, как удается убеждать отпускать заложников и почему в плену мэр города, он рассказал "Зеркалу недели" .

- Насколько известно, наиболее эффективными были ваши контакты с Безлером?

- Он освободил, по нашей просьбе, 8 офицеров милиции и 6 пограничников. Но последняя сделка по освобождению 15 человек несколько раз срывалась.

- Почему?

- Наша сторона считает Ольгу Кулыгину очень ценной. И в последний момент выдвинула невыполнимые условия. Она потребовала, чтобы Безлер не только освободил 15 заложников, но и со своим отрядом ушел из Горловки. Думаю, он этого никогда не сделает. Обмен срывался трижды. Один раз Кулыгину даже вывезли за пределы Киевской области, но затем вернули в СИЗО - кто-то дал команду.

- Шансы на то, что обмен состоится, сохраняются?

- Да.

- Как вы впервые вышли на Безлера?

- Супруга гражданина Грузии Василия Будика, находящегося в заложниках у Беса, дала мне телефон Бегунка, помощника Безлера. Через него Безлер пригласил меня в Горловку. Это было в тот момент, когда не состоялся обмен Кулыгиной, который должен был обеспечить, по-моему, Тарута. Не поехать - означало показать свою слабость. Хотя Киев не рекомендовал. Баранов из "Оплота" говорил, что ехать нельзя ни в коем случае, там и останешься...

Я взял всю ответственность на себя. Нужен был контакт с Бесом. У меня была информация, что у него наши военные, которых я надеялся вытащить. Я поехал в Горловку на такси. Мы встретились. Непродуктивно. Потом были еще две непродуктивные встречи. Бес меня вызывал, изучал, присматривался... Он никак не реагировал на другие мои предложения по другим военнопленным, которые, как мне тогда казалось, у него находятся. Список у меня был обширный. Наконец Бес меня пригласил и показал сейчас уже всем известное видео расстрела.

Сказал: "Доложите руководству СБУ, администрации президента - после того как Ольга не приехала, я ждал три дня, что со мной выйдут на контакт. Не вышли - начал расстреливать. Сейчас девять вечера, без четверти двенадцать вы мне отзваниваетесь,

и если не будет решения, то я продолжаю каждый час расстреливать по два офицера".

Я видео отправил. До 12-ти я не дозвонился. Мне отзвонились только в 12:13. Я понимал, что офицеров уже могли начать расстреливать. Если бы это случилось, для меня это было бы внутренней катастрофой.

Правда, было сомнение, что это настоящий расстрел - нехарактерно падали тела, странно вел себя сам Бес. Тогда я переправил это видео в СБУ, попросил передать его экспертам - психологам, физиономистам, техникам. Его разобрали по частям и сказали, что это имитация.

Но у меня не было сомнений, что Бес способен исполнить приговор. Я понимал, что если освободить Кулыгину не получится, Бес может всех расстрелять...

- У вас есть информация, что Бес действительно расстреливал пленных?

- Нет. Подтвержденной информации нет. Я знаю правило Беса, о котором он постоянно напоминает и которого он, я надеюсь, придерживается: человек, стоящий напротив него с ружьем - враг; бросивший оружие - пленный; раненому он оказывает помощь. Он более чем лояльно относится к украинским военным и нетерпимо относится к самообороновцам. Как мне говорили, он не берет в плен нацгвардейцев и добровольцев, но к захваченным армейцам относится именно как к военнопленным...

Я видел пленных военных, на кроватях с матрасами, с чистыми простынями, не избитых, не привязанных, не прикованных, с открытой дверью. Они свободно перемещались.

Если не наступают непосредственно на него, как недавно в Карловке, он пропускает даже колонны с военными, не стреляет по ним. При его прямом участии было организовано первое перемирие, когда вывозили погибших десантников из Луганска. Он давал рефрижератор, он договаривался со Стрелковым, с луганскими, с донецкими, чтобы прекратить огонь на время, пока на всей линии фронта соберут тела погибших.

- Послушать вас, то он просто рыцарь...

- А он Робин Гуд по-своему. И у нас сложились отношения как у офицера с офицером. Я уверен, что он не из ГРУ или ФСБ. Возможно, какие-то связи и контакты есть. Бес - нормальный офицер.

- А многие считают, что он обычный бандит. Рэкет. Пытки.

- На днях я забрал у Беса помощника Таруты Романа Свитана. Его, действительно пытали. Жестоко. Поломали пальцы, пробили ножом бедро, повредили вену. Иголки, паяльник. Еще и деньги жгли на животе - смотрели, как горят украинские деньги. Но его пытали не у Беса, а то ли в батальоне "Восток", то ли в Макеевке. Бес его забрал по моей просьбе. Я сказал правду, что он - помощник Таруты, но также и мой друг. Он окончил Черниговское летное училище, летчик-истребитель. Он, как и я, был в организации "Никто кроме нас".

Свитан входил в список 15-ти, которых должны были поменять на Кулыгину. Но Бес предложил мне забрать Романа Свитана. Как офицер офицеру. Хотя по статусу Свитан был самый ценный для него заложник...

Бес передал через меня в СБУ документы о продаже органов из Горловского детского дома (детский дом "Надежда", единственный в Горловке, был ликвидирован в 2011 году, - ред.). Детей переправляли через одесскую фирму, якобы имеющую отношение к другу премьера. Признался в этом бывший мэр, когда его взяли. Я пытался освобождать этого мэра, но когда узнал о продаже детских органов... Бес посадил этого мэра перед

камерой и тот на видео ему все рассказал. И о том, как он наворовал 2,5 млн долл. И кому какие откаты давал. Признался в этом министр транспорта ДНР, которого Бес расстрелял за это.

Рассказывали, что Бес перестрелял криминалитет в Горловке. Наркомании и наркоторговли в Горловке нет. За мародерство и грабежи - наказание. За пьянство - наказание. Вплоть до расстрела. Он сейчас вынужденный лидер города Горловки. Он не сможет оттуда уйти.

- Вы его не идеализируете ли, Владимир Владимирович, гражданина другого государства, воюющего с вашим государством?

- Я просто предлагаю посмотреть на эту войну иначе. Это действительно война. И вести себя нужно как на войне. И на ней можно оставаться человеком. У офицера должен быть статус офицера на войне. А у пленного - статус пленного. Его нельзя пытать - сажая на кол, засовывая паяльник, отбивая почки, пятки. Мы живем в современном мире. Есть современные способы проведения допросов без явного физического вмешательства, без физических увечий. Ненадлежащее содержание пленных происходит с обеих сторон. Есть неподтвержденная информация, что с украинской стороны были предложения от членов батальонов к родителям погибших с луганской стороны забрать их тела за 5 тыс. долларов. Причем, когда Игорь Беляев - представитель ЛНР (сейчас он - официальный переговорщик с украинской стороной), - согласился собрать 5 тыс. и спросил: сколько машин и где забирать, боец сказал: нет, 5 тыс. за каждого. Это неприемлемо и для меня как для офицера и для всех офицеров-участников боевых действий. Приходится учить людей, которые не бывали на войне, каким-то военным правилам. Нельзя добивать раненого. Нельзя не кормить пленного. Нельзя издеваться над пленным. Но это происходит с обеих сторон.

- Вы в этом уверены?

- Есть сведения, что пытают с обеих сторон. И людям, которые говорят, я верю.

Кстати, переходят на другую сторону, в том числе и под страхом пыток. Или от отчаяния. Сидит парень 60 дней в плену, и ждет, когда государство о нем вспомнит. И это армейцы. Нацгвардейцев, по некоторой информации, расстреливают. В плен не берут. Раненых добивают. Нацгвардейцы и добровольцы у них считаются наемниками и фашистами.

С другой стороны, столько слышал разного. Националисты вырезают органы. Нацгвардейцы расстреливают 5-летних девочек в затылок и отрезают уши. Хоронят в восьмиметровых ямах или Синих озерах под Луганском. Говорю: дайте фотографию. "Я сам лично не видел, но мне рассказывали те, кто лично видел"...

- Это правда, что Бес пытался забрать из Луганска Надежду Савченко?

- Правда. И забрал бы, но когда приехал, ее там уже не было.

- Зачем она ему была нужна?

- Думаю, хотел поменять ее на Кулыгину.

- Чем она ему так ценна?

- Я не знаю. И вдаваться в подробности не хочу. То ли связная, то ли чья-то жена, то ли чья-то любовница. То ли крупный идеолог. Последняя версия: главный свидетель на Гаагском трибунале. Это ж додуматься надо до такого, а?..

Я использовал интерес Безлера к Кулыгиной как инструмент возможного освобождения Савченко. В какой-то момент мне в Киеве поставили ее освобождение как задачу номер один. Но луганские мне ее не отдавали. Там существует нечто вроде

совета, куда входит человек 10 гражданских и 15 командиров местных отрядов. Они и принимают решение: отпустить пленника, поменять или расстрелять. С той стороны были подозрения, что на руках Савченко есть кровь. И было озвучено подозрение, что она была корректировщицей огня при обстреле с самолета Луганской областной администрации.

- Кстати, вы, как бывший летчик, верите, что это был авиаудар? И в странную, мягко говоря, версию, что она могла быть корректировщиком?

- Судя по видео, снаряд заходил сверху. Какой, и кем был выпущен - не знаю. А что такое корректировка авиаудара, я вообще не очень понимаю... Так вот, на совете было проголосовано - расстрелять. Толпа всегда призывает к казни. Когда я понял, что там толпа, стало ясно, что не договорюсь. И предложил Бесу съездить за Савченко в Луганск. Мне бы ее не отдали. Но я не рассчитывал, что ее вывезут за границу в Россию. Я бы им помог договориться. Я считал, что нужно торговаться на нашей стороне немедленно и не раздумываю. С Путиным торговаться - выйдет дороже.

- А почему ее должны были отдать Безлеру?

- Он настойчивый. Он двое суток ее искал. Потом ему дали понять, что она в России.

- А у вас есть версия, зачем Россия так откровенно подставилась с Савченко?

- В любом случае я успокоился. Теперь она будет на свободе. Ее нельзя будет не выпустить. Кстати, намекали, что к переправке Савченко в Россию причастен Медведчук. Но прямых доказательств не было.

- Как в так называемых ДНР и ЛНР относятся к Медведчуку?

- По-разному. "Оплот", например, категорически против, чтобы он был участником очередной контактной группы.

- Были странные слухи, что в Киеве находились люди, которые могли препятствовать освобождению?

- Мне ее освобождение ставили как приоритетную задачу. Хотя среди некоторых военных бытует мнение, что ее стоило бы расстрелять за самоуправство. Утверждают, что "Айдар" начал атаку на Металлист во время заключенного перемирия, когда "двухсотых" должны были собирать по всей территории, по всему фронту. И что именно "Пуля" (так называют Надежду Савченко. - С.Р.) дала команду на разведку боем.

- Стоп, какую команду? Она что комбат?

- Командир отделения в "Айдаре".

- И что ее приказа послушали?

- Ну, вот как-то так завела молодых ребят...

- Вы в это верите?

- Так рассказывал "айдаровец" полтавчанин Юрий Крыжборский. Мне удалось освободить нескольких бойцов батальона, в том числе, и его. Еще одного, Николая Чепигу, полтавского хлопца, не успел. Говорят, его зарезали в плену...

Остались Головченко, Пономаренко, Шимко, Григорьев, Копчанский... Надеюсь, их тоже вытащить. Крыжборского мне отдали, когда отказались отдать Савченко. По пути из Луганска в Горловку заехал к Бесу. Крыжборский был раненый, грязный, обессиленный. Смотрел в одну точку, - он думал, что его привезли на расстрел. Отказывался есть, еле отпил чаю. В душ его сопровождали пленные кировоградские спецназовцы, которые находились у Беса - старший лейтенант Вечерок и сержанты Филюков и Гречаный, следили, чтобы он не упал от бессилия.

Люди после плена не могут вести себя адекватно, это испытание... Кто-то хочет выпрыгнуть в окно, кто-то кричит, кто-то не в состоянии просто сделать шаг. Везешь четверых - двое хотят сбежать. Нужна вооруженная группа сопровождения. А возможность не всегда есть. Не говорю уже о том, что если один освободил, то не факт, что другой через пару километров не захочет снова взять тех же людей в заложники...

Как-то раз пришлось вывозить освобожденного заложника не машиной, а в электричке. Он хватал себя за волосы, задирал футболку, показывал шрамы и кричал пассажирам, что находился семь дней в плену, его пытали и теперь неизвестные люди везут его на расстрел. И так два часа. Со мной был офицер, опытный разведчик. Я ему говорю: выруби его. Выхода нет. Нужно чтобы он умолк и сидел. Он не смог. Знал как, понятно. Но не смог. Вот поэтому я с сыном и езжу. Он сможет. А тогда я отзванивался в Днепропетровск, нас 15 человек встречали на вокзале.

- Это был военный?

- Нет, активист, киевлянин. Мы троих тогда вывозили. Их взяли за то, что при обыске нашли бронежилеты.

- Вы их меняли?

- Да, по списку, на задержанных из киевского СИЗО.

- Ваша база данных отличается от базы спецслужб?

- Я для них враг. И временный попутчик. Они не дают мне информацию. Но уверен, что мой список гораздо больше и точнее, чем у них.

- Военные дают хотя бы предварительные цифры?

- Вот уже неделя, как создали центр по обмену военнопленными. Что могут военные? Собрать информацию. Но они ничего не могут сделать напрямую без СБУ. По закону военные, МВД, отряды просто собирают пленных и перевозят в Изюм. Менять права не имеют.

- Кто-то, кроме вас, занимается обменом?

- Было еще два человека. Но, насколько знаю, я - самый эффективный.

- Кого охотнее меняют, военных или гражданских?

- Сложно сказать. Смотря, какой командир. Слишком много центров принятия решений. Каждый командир хочет участвовать в торгах людьми. Статус каждого человека рассматривается. Если это обсешник, и есть команда от ФСБ, то их держат для прикрытия. Бес охотно отдает военных...

Гражданских легче ловят. Остановили по наводке, проверили мобильный. Дальше - понятно... Ловят под заказ. Берут под выкуп. Кидают. Официально ДНР и ЛНР борются с этим. Узнают, что кто-то требовал выкуп за заложника, - могут расстрелять. Но там не все контролируется ДНР и ЛНР. Есть непроверенные данные, что за бывшего мэра Славянска Валентина Рыбачука заплатили 2 млн долл., но на волю его так и не выпустили. Сейчас разыскивают.

Есть информация от сына Александра Побидченко, 64-летнего краматорского бизнесмена. Потребовали выкуп в 50 тыс. долл. Он их принес, положил, где сказали, после этого отца не видел. Теперь за него дополнительно требуют освободить троих, похоже, откровенно криминальных. Родные испугались. Поступили правильно - нашли переговорщика. Вышли на наш "Офицерский корпус", на меня. Но когда бандиты узнали, что есть профессиональный переговорщик, сказали - ни в коем случае. И жена его перестала отвечать на звонки, а родственники передали, что в моих услугах больше не

нуждаются. Отдали ли им человека - я не знаю.

Так что с Бесом находить общий язык проще, чем с бандитами...

- Опять вы о нем... Правда, что он выделял вам машину?

- Правда. В мае спецслужба просила меня провести обмен. Но машину не дала, сопровождения не дала, денег на бензин не дала. У меня достаточных средств на это не было. Выделили сепаратисты. Иногда перемещаюсь за свой счет. Один раз, когда в Мариуполе забирал советника министра внутренних дел, нам выделили машину МВД, которую заправляли по дороге за их счет. Сейчас проще - Геннадий Корбан помогает.

Во многом благодаря ему, Свитан на свободе, он даже самолет выделил. И Ольгу, если обмен состоится, возможно, придется переправлять самолетом. А еще ее нужно до аэродрома довезти...

- На Корбана вы сами вышли?

- Это было во время первого обмена, когда мы уже отчаялись договориться. Корбан позвонил сам. Ему, наверное, через Парубия передали, что я плюнул на все и на всех, и еду договариваться сам. Он позвонил и сказал: "Я бы предложил им деньги". Он кстати и предложил, полмиллиона. Они отказались.

Я тогда летел из Киева в Донецк через Днепропетровск. Встретился с Корбаном. Он выслушал мою стратегию. Поулыбался. Но на следующий день в том же кабинете мы сидели вместе с освобожденным Якубовичем.

И он спросил: а зачем вам завершать обмен, ваш человек ведь на свободе? Я ответил, что дал слово офицера. Он спросил: кому, бандитам? Скажу честно, моя реакция была отрицательной.

Но потом он очень активно и эффективно включился в процесс. Сначала сомневался: нельзя этого делать, нельзя обменивать, потому что это войдет в практику. Но с этим ничего не поделаешь. Мы продолжали работать. Потом Корбан начал пробивать вместе со мной создание специального центра. Сделать его в Киеве не удалось. Но центр нужен, и я поеду делать его в Днепропетровске, если в Киеве его не дают делать. Центру нужен не столько статус, сколько обеспечение. Тогда я смогу делать работу быстро и оперативно.

- Вы обмолвились, что работаете только с сыном. Но раньше говорили, что подключаете такое количество людей, которое необходимо для обеспечения операции.

- На той стороне - только вдвоем. Пленников для обмена всегда сопровождаю лично. Я отвечаю за безопасность этого человека. Я езжу с оружием. Могут охотиться на меня. Могут охотиться на тех, кого я везу. Я привык. Я знаю, что надо делать. В том числе, что надо делать с истерикой. Первые 48 часов на свободе человек должен адаптироваться. А у меня есть индивидуальный подход.

В последнее время до "ниточки" нас сопровождают офицеры, до последнего блокпоста. Если мы занимаемся серьезным обменом, если речь идет о большом количестве, либо об обмене ценными пленными, то у нас есть вооруженная охрана, без досмотра машин.

В случае необходимости я действительно подключаю необходимых людей. От одного до - сколько надо. Помните закон шестого рукопожатия? Люди, которые в "Офицерском корпусе" прошли обучение по программе "Лес", программе "Город" (сопровождение, стрельба, маскировка, бесшумная ходьба) знают, что нужно делать. А я знаю, к кому обращаться.

Я выгоден всем. Люди не знают, что делать, если родственник попал в плен. Куда обратиться? В милицию? В СБУ? СБУ - закрытая организация. А меня легко находят. ДНР и ЛНР боятся выходить напрямую на Киев? Есть я. И спецслужбам я выгоден. Я решаю вопросы быстрее и эффективнее. И я неофициальное лицо. Если прокололся - государство ни при чем. Если получилось - да, мы обменяли столько-то людей.

- Вы обычно привозите людей отсюда, а потом везете оттуда?

- По-разному.

- Были случаи, когда вы отказывались освобождать кого-то из заложников?

- Да. Отказался освобождать профессора-педофила. Почитал смс на его мобильном и отказался.

- В нынешней ситуации, после того, как зачистили Славянск и Краматорск, тяжелее стало работать или легче?

- Это не влияет на обмен. На обмен влияет окончание перемирия. Меня уже знают как авторитетного человека. Теперь я спокоен. Мне говорят, что у меня есть репутация, и я все правильно делаю.

На меня работает репутация, по обе стороны. Я освобождаю людей. Я держу слово.

Мне говорили, что я вел себя в плену как настоящий офицер. Что я достойно вел себя с Бесом. Я хотел и хочу показать, как офицер должен себя вести в разных ситуациях.

Я научился работать быстро, оперативно, не обращаясь к наемникам, привлекая наших подготовленных офицеров. Та сторона охотно работает с людьми, не представляющими правительство. У меня появился кредит доверия. Даже то, как я разыскал беглого атамана Юрченко, добавило уважения ко мне. Там слухи быстро распространяются. Меня этому специально не учили, но я сам научился. Обменивать людей по телефону, анализировать ситуацию. Искать принципиальные выходы из сложных ситуаций. Не ввязываться в позиционные торги. Договариваться, а не торговаться. А ведь, говорят, есть люди, которых этому специально учили. Интересно, где они?

Многим с той стороны (наверное, потому, что я не всегда и не во всем поддерживаю правительство) кажется, что я на их стороне.

Но, скажу честно, со своими коллегами - офицерами, афганцами, с которыми я давно знаком, и с которыми мы оказались по разные стороны, мне часто сложно разговаривать. И по телефону и глаза в глаза. Это люди, вроде бы четко отстаивают свои интересы, но говорят слоганами. Такое впечатление, что это была отработанная специальная информационная операция. Они производят впечатление зомбированных...

- Вы не скрывате, что вы - "майдановец". Это не может не усложнять вашу работу...

- В чем-то облегчает. Мне Майдан помогает понять ситуацию на Востоке. Тогда, на Майдане, я был террористом. И против меня эти же СБушники проводили АТО. Я сравниваю Майдан с Востоком. На Майдане была огромная Самооборона и маленький "Правый сектор". На Донбассе - зеркальное отражение. Там огромный "Правый сектор" с автоматами и маленький "Майдан" с самообороной.

- У вас есть не только список заложников, удерживаемых сепаратистами, но и списки тех, кого они требуют на обмен?

- Со списками надо работать. Хочу съездить в Луганск. Возвращаюсь к идее создания Центра обмена. Я не могу так много кататься, это неправильно и неэффективно. Этим должна заниматься группа, распределенная по секторам. Кто-то - переговорщик, кто-то

- собирает информацию, фильтрует, анализирует, перепроверяет, колл-центр должен быть, должна быть группа сопровождения, группа безопасности. При перевозке сложных пленных.

Например, той же Савченко. Высока вероятность того, что по дороге ее могут убрать и спихнуть на противоположную сторону. То же самое с Кулыгиной.

- 15 человек, на которых собираются менять Кулыгину - кто это?

- Полковник СБУ Александр Васющенко, кировоградские спецназовцы Станислав Вечерок, Виталий Филюков, Александр Гречаный, днепропетровские десантники Руслан Назаров и Александр Малый, военнослужащие 72-й механизированной бригады Роман Засуха, Владимир Медведев, Руслан Новиков, Руслан Деревяник, Олег Довнич, Александр Андрющенко, гражданин Грузии Василий Будик, представитель Тигипко Владимир Зайка. 15-й - Роман Свитан – уже на свободе.

- Среди тех, кто находится в заложниках в Луганске, кто, кроме "айдаровцев", находится в сфере ваших интересов?

- Бойцы батальона "Темур" Тарас Патунь, Сергей Ткаченко, Артур Пардевян, Юрий Давлятшин. Активист Артем Скляров. Вообще список длинный...

И закончится это не завтра. А потому нужны люди. Надолго. Профессиональные. В том числе для переговоров. Но не менты, извините, у которых деньги в глазах. Не оставшиеся СБушники. У них на уме карьера. Для того чтобы спасать людей нужно не много - честное отношение к делу. Я этого требую от тех, с кем работаю. От всех. От президента тоже.

"Горловский Медиа Портал"